

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —

За доставку на домъ въ Москвѣ предлагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитонія въ Огородни-
цахъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ «РАЗВЛЕ-
ЧЕНИЕ» СТОИТЪ:

Въ Германію и Австрію	5 р. с.
» Бельгію	5 р. 50 к.
» Францію	6 р.
» Италію.	6 р.
» Англію	6 р. 50 к.
» Испанію	6 р. 50 к.
» Швейцарію	7 р.

Гг. подписчики, отъѣзжающіе за границу и желающіе получить тамъ «Развлечение», приплачиваютъ къ цѣнѣ журнала столько, сколько приходится по этому разсчету.

Гг. заграничные подписчики могутъ адресовать-ся или въ редакцію, или въ Газетную Экспедицію МОСКОВСКАГО Почтамта.

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ

(М. П. Х—вой.)

Предъ иконой святой
Чуть лампада горитъ,
Въ углу мальчикъ больной
На постелькѣ лежитъ.

Въ жару мечется онъ
И въ бреду говоритъ:
«Мама, мама, вонъ, вонъ,
Кто-то свѣтлый стоитъ.

Посмотри на него
Онъ хорошій такой,
Яркій свѣтъ отъ всего,
Два крыла за спиной.

Онъ мнѣ машетъ крыломъ
И съ собою зоветъ,
Говоритъ мнѣ: пойдёмъ,
Тебя Божинька ждётъ.

Для тебя золотой
Онъ вѣнецъ велѣлъ слить,
Весь убрать бирюзой
И цвѣтами увить.

Онъ мнѣ шепчетъ скорѣй
Въ садъ нашъ райскій пойдёмъ,
Посмотрико дѣтей
Сколько есть въ саду томъ.

Сколько птицъ золотыхъ
А цвѣты то цвѣты...
Вѣрь, дитя, что такихъ
Здѣсь не видывалъ ты!
Ночи нѣтъ у насъ тамъ
И зимы вовсе нѣтъ,
Все цвѣты по лугамъ
Безъ конца тамъ все свѣтъ.

И вздохнуло дитя
И все шепчетъ въ бреду
«Мама, мама, туда
И съ крылатымъ поиду.»

И вздрогнуло дитя
Протянулось, молчитъ,
И ручки скрестя,
Неподвижно лежитъ.

И какъ жемчугъ блестятъ
На щекахъ капли слезъ,—
Въ небеса въ Божій садъ
Душу ангелъ унесъ.

И склонилася мать
Надъ ребенкомъ своимъ,
Начала цѣловать,
Горько плачетъ надъ нимъ.

И въ тоскѣ, и слезахъ
Дитя тихо креститъ.
За окномъ же, въ потьмахъ
Чья то пѣсня звучитъ.

Горемыкаль какой
Громко пѣсню поетъ,
Иль гуляка ночной
Мимо оконъ идетъ?

Что ему, что вонъ тамъ
Плачетъ мать надъ дитей?
Можетъ тушить онъ самъ
Горе пѣснью лихой...

И. Суриковъ.

БОЧЕНОКЪ ЗОЛОТА

Разсказъ А. П. Голицынскаго.

(Окончаніе).

Между тѣмъ время шло, а англичане молчали. Въ-роятно *сплюнь* у этихъ чудаковъ, которые назначили премию, миновался. Васильковъ не пропускалъ ни одного номера Московскихъ Вѣдомостей, получавшихся въ училищѣ, преслѣдуя, не перепечатано ли въ нихъ чего нибудь изъ англійскихъ вѣдомостей о его задачѣ, но и въ вѣдомостяхъ ничего не было.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ, наступила наконецъ зима и положеніе бѣднаго Василькова сдѣлалось, увы, какъ скверно. Шуба его все еще находилась въ закладѣ у жида и выкупить ее не представлялось никакихъ средствъ. Къ счастью еще было у него старенькое драповое пальтишко, и вотъ бывало будущій обладатель боченка съ золотомъ надѣнетъ это пальтишко, укутается не менѣ ветхимъ шерстянымъ шарфомъ и, корчась отъ холода, отиравался въ училище.

Положеніе, какъ видите, дѣйствительно не завидное. Однако-жь педагогъ нашъ все еще не падалъ духомъ и былъ совершенно увѣренъ, что боченокъ выручить его наконецъ изъ бѣды.

— Егоръ Ивановичъ! подтрунивалъ надъ нимъ учитель русскаго языка, человекъ самый ядовитый, изъ семинаристовъ,—когда же боченокъ-то придетъ изъ Англии? Мы ждемъ шампанскаго, которымъ ты хотѣлъ угостить насъ.

— Погоди, угощу! отшучивался Васильковъ.

— Да когда-жь это будетъ? Вѣрно ужъ очень великъ и тяжелъ боченокъ-то—вѣрно пароходъ не стачить. Теперь должно быть англичане выдумываютъ какую нибудь новую машину для его отправки.

— Скаль зубы-то! отгрызался Васильковъ,—а я все таки его получу. Вотъ тогда и посмотрите.

— Съ Англійей-то, говорятъ, съ весны война начнется, вотъ тогда черта съ три и получишь, страдалъ его учитель русскаго языка.

— Э... пустяки все, вздорные слухи.

— Я не знаю, но ходять слухи, да и изъ политическаго отдѣла Вѣдомостей это замѣтно.

— Ну, пускай и война,—война войной, а боченокъ самъ по себѣ. Англичане, братъ, не такой народъ—у нихъ слово законъ—и война начнется, а боченокъ мнѣ все-таки вышлютъ.

Но онъ только куражился передъ товарищами, а въ сущности извѣстіе это озадачило его страшнымъ образомъ и съ этого дня онъ началъ внимательно преслѣдовать политическій отдѣлъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Между тѣмъ положеніе его становилось со дня на день все хуже и хуже. Въ городѣ начинали уже считать боченокъ золота за пухъ и за тѣмъ кредиторы, выведенные изъ терпѣнія долгимъ ожиданіемъ денегъ, начали съ своей стороны осаждать Василькова. Лавочникъ, вошедши однажды утромъ въ лавку, приказалъ своему прикащику:

— Семенъ, съ шифшияго дня не отпущать учителю въ долгъ ни на одну конейку—слышишь?

— Слушаю-съ, Матвѣй Кузьмичъ! отвѣчалъ прикащикъ.

— Сходить нешто къ нему, къ мазурику.

И лавочникъ отправился въ квартиру Василькова.

— Что скажете, почтеннѣйшій Матвѣй Кузьмичъ? встрѣтилъ его Егоръ Иванычъ.

— Да что, баринъ, надѣть напоследокъ и честь знать, поплатиться надѣть. Харчей-то вѣдь вами почесъ на двадцать пять рублевъ забрато.

— Да въ чемъ же вы сомнѣваетесь, Матвѣй Кузьмичъ, вертѣлся Васильковъ,—и вѣдь никуда не уйду, расплатусь Богъ дастъ. Тенерь вотъ ужъ скоро и боченокъ изъ Англии вышлютъ.

— Да вѣдь вотъ что, баринъ, настаивалъ лавочникъ,—соловья, значить, баснями не кормятъ. Когда-то тамъ его вышлютъ, а деньги-то намъ безперечь нужны. Вы мнѣ покрайности хошь росписочку какую ибудь дайте.

— Съ удовольствіемъ;—за роспиской дѣло не станеть.

И Васильковъ тотчасъ же написалъ ему росписку въ двадцать пять рублей.

— Оно все-таки вѣриѣ какъ-то! проговорилъ лавочникъ, засовывая ее въ карманъ.

— Мазурикъ эдакій, пра мазурикъ! разразился онъ, возвратившись въ лавку,—нахваталъ почесъ на двадцать пять рублевъ, да словно какъ и не его дѣло. Боченокъ золота вишь скоро изъ Англии вышлютъ... Да видно не съ золотомъ, а съ селедками. Слышь, Семенъ, подтвердилъ онъ прикащику,—ни на конейку не вѣрить!

Вслѣдъ за лавочникомъ явился къ Василькову мясникъ, у котораго онъ тоже забралъ рублей на десять и тоже взялъ съ него росписку.

Кунецъ Вороновъ, отсутствій ему въ долгъ сукна, тоже началъ беспокоиться.

— Опростоволосился же я... Сукнецо-то, которое я отпустилъ учителю, должно полагать, улыбнулось, говорилъ онъ однажды своему прикащику.

— Напрасно вѣрили, Николай Петровичъ, отвѣчалъ прикащикъ, — какой кредитъ ему, — онъ вотъ почесъ чуть не по міру ходить.

— Да вѣдь въ ту пору весь городъ толковалъ, что онъ скоро получитъ боченокъ золота изъ Англии. И я съ дуру-то повѣрилъ.

— Оно вотъ и выходитъ таперича, что все это сказки были. Ужъ коли получить, такъ давно бы ужъ получилъ.

— Дѣлать нечего, опростоволосился, повторилъ Вороновъ.

— Росписочку-то по крайней мѣрѣ взяли съ него? спросилъ прикащикъ.

— Взять-то взялъ, да что толку-то въ этомъ? Что я съ него возьму? Онъ эва въ холодномъ пальтишкѣ въ зиму-то шляется. Встрѣлъ его этта дави утромъ, такъ пида смотрѣть жалостно.

— Такъ что-жь, ежели взяли росписку, такъ представьте ее въ училище—будутъ вычитать изъ жалованья, хоша по маленьку, а все же лучше, чѣмъ ничего.

— И то нешто представить, порѣшилъ Вороновъ, у котораго при мысли о деньгахъ жалость къ Василькову мгновенно исчезла.

И вотъ въ одно прекрасное утро и лавочникъ, и мясникъ, и кунецъ Вороновъ представили росписки Василькова штагнуому смотрителю. Тотъ въ свою очередь вызвалъ его къ себѣ и посоветовалъ ему уплачивать кредиторамъ хоть треть жалованья.

— Иначе, прибавилъ онъ,—чего добраго, пожалуй вѣдь и къ директору обратятся,—тогда хуже будетъ,—сконфузите себя передъ начальствомъ, а платить-то все-таки заставить.

Васильковъ согласился.

— Вы вѣрно все это въ надеждѣ на свой боченокъ нахватали? засмѣялся смотритель.

— Я и тенерь еще не теряю надежды, возразилъ Васильковъ.

— Полноте, пожалуста, ну, какой боченокъ? Сначала я и самъ было повѣрилъ, да тенерь вижу, что это совершенные пустяки.

— Да помиуйте, я самъ читалъ объявленіе во французскомъ журналѣ! настаивалъ Васильковъ, которому страхъ какъ не хотѣлось разстаться съ своей заветною мечтою.

— Такъ я начну вычѣть?

— Что-жъ дѣлать, начинайте.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе Василькова сдѣлалось бѣдственнымъ въ высочайшей степени. О селѣдкахъ и бифштексахъ невозможно было и думать и приходилось питаться чуть не хлѣбомъ съ водою.

Отъ такой невзгоды стойческая натура нашего героя наконецъ поколебалась,—до того поколебалась, что онъ рѣшился на дѣло, по его мнѣнію, невѣроятное: рѣшился продать свои полинезійскія рѣдкости—палку и шляпу.

Въ городѣ у насъ проживалъ въ то время на пансіонѣ бывший инспекторъ духовнаго училища, инокъ Иванъ Федорычъ Рожновъ, большой любитель подобныхъ рѣдкостей и древностей. Онъ собиралъ, гдѣ только возможно было, древнія монеты и разныя рѣдкія раковины; а главное, какъ-то удалось ему приобрести огромный коренной зубъ мамонта, которымъ въ свое время тоже интересовался весь городъ, точно такъ же, какъ и боченкомъ Василькова.

Въ слѣдствіе чего Рожновъ и прослылъ въ городѣ антикваріемъ. Къ этому-то Рожнову и отъѣвился однажды Васильковъ съ предложеніемъ кушнуть у него его шляпу и палку.

У Рожнова была привычка, когда онъ разговаривалъ съ сѣмъ нибудь, сильно моргать глазами и безпрестанно отшлепываться.

— Тьфу! На какомъ же основаніи предлагаете вы мнѣ эти вещи? Тьфу! заморгавъ, спросилъ антикварій.

— На томъ основаніи, что я слышалъ, будто вы большой любитель рѣдкостей.

— Да, я охотникъ, тьфу!

— А обѣ эти вещи очень рѣдкія, продолжалъ Васильковъ, — они привезены изъ Австраліи.

— Ахъ, изъ Австраліи?!

— Да, могу васъ увѣрить.

— Въ такомъ случаѣ принесите, я посмотрю.

— Ужо вечеромъ вы будете дома?

— Буду, буду, непременно буду, заморгавъ и заплывалъ опять Рожновъ,—принесите.

Вечеромъ Васильковъ явился къ нему съ обѣщанными вещами.

— Чѣмъ же вы мнѣ докажете, что эти вещи приве-

зены изъ Австраліи? спросилъ Рожновъ, разумѣется, крича изо всѣхъ силъ.

— Честью васъ увѣряю, что изъ Австраліи! отвѣчалъ Васильковъ, — мнѣ подарилъ ихъ въ Петербургѣ одинъ знакомый, совершавшій кругосвѣтное путешествіе на кораблѣ Паллада.

— Палка точно дубина... а шляпа—это чортъ знаетъ что такое... въ ней покрайней мѣрѣ полфунта сала,—точно изъ блиновъ сдѣлана... да и воняетъ отъ нея, какъ отъ дохлой крысы, рассуждалъ между тѣмъ Рожновъ, понюхавъ изъ шляпы и заплывавъ чаще обыкновеннаго.— Тьфу, гадость кака! Тьфу!

— Это-то и служить доказательствомъ, что это вещи не здѣшнія, защищался Васильковъ,—палокъ такихъ здѣсь не дѣлаютъ, изойдите хоть всю Россію; а что изъ шляпы немного припахиваетъ, такъ это дѣло очень естественное: извѣстно, что полинезійскіе островитяне имѣютъ обыкновеніе увлажять себѣ волосы какимъ-то жирнымъ и не-

пріятно пахучимъ веществомъ — понятно, что она должна была пропитаться и жиромъ, и запахомъ. Стало быть это не порча, а напротивъ, достоинство. Стоитъ только понюхать, чтобъ убѣдиться, что она не здѣшняя.

— Ужасная вонь! продолжалъ Рожновъ, снова обнюхивая полинезійку.

— За то запахъ-то вѣдь специфическій.

— Тьфу!

Однако-жъ аргументы Василькова подѣйствовали: антикварій началъ понемногу сдаваться.

— А что вы полагаете за эти вещи? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

Васильковъ запросилъ десять рублей серебромъ, прибавивъ, что въ Петербургѣ давали ему за нихъ пятьдесятъ.

— То, батюшка, въ Петербургѣ, а то здѣсь—это двѣ вещи разныя, тьфу!

Антикварій остановился на пяти рубляхъ и былъ непоколебимъ, какъ скала.

Тѣмъ наконецъ и порѣшили. Васильковъ получилъ деньги и отправился домой.

Послѣ того я не одинъ разъ слышалъ, что когда Рожновъ показывалъ своимъ знакомымъ приобретенныя отъ Василькова вещи и если кто изъ нихъ сомнѣвался въ ихъ

происхожденіи, то такому скептику онъ предлагалъ обыкновенно пошохать свою шляпу. Скептикъ похалъ и почему-то убѣждался, что шляпа дѣйствительно полинезійскаго происхожденія.

Что же касается до бѣднаго Василькова, то послѣ разлуки съ старыми друзьями, у него прибавилось еще новое горе. Чуть не со слезами вспоминалъ онъ объ нихъ и говорилъ всѣмъ, что сдѣлалъ страшную подлость. По цѣлымъ бывало часамъ смотрѣлъ онъ на опустѣлый уголокъ комнаты, въ которомъ стояла его палка и на гвоздикъ, гдѣ висѣла его незабвенная шляпа, и такъ ему было грустно безъ нихъ, какъ будто онъ снесъ на кладбище двухъ дорогихъ его сердцу покойниковъ.

Пять рублей, разумѣется, не на долго его поддержали. Онъ окончательно уналъ духомъ, задумался, запилъ горше прежняго и безпрестанно началъ манкировать классами въ училищѣ.

Штатный смотритель громилъ его съ своей стороны грозными предписаніями; но Васильковъ заивалъ эти предписанія рюмкой водки и не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ такомъ ужасномъ положеніи, что я перепугался за него не на шутку: окончилъ отъ холода, какъ кочарыжка, лицо блѣдное, глаза ввалились, руки дрожатъ.

— Объясните пожалуйста, докторъ, что это со мной дѣлается? спросилъ онъ меня, опускаясь на стулъ.

— Что-жь съ вами дѣлается?

— Да чортъ знаетъ, видѣнія какія-то представляются... да вѣдь до того живо, что, кажется, руками ощупать можно. Вчера, наиримѣръ, сижу я въ залѣ, пью чай, вдругъ гляжу: у дверей стоятъ англичанинъ въ штиблетяхъ съ толстѣйшими подошвами и съ рыжими бакенбардами и держитъ въ рукахъ боченокъ чуть не въ аршинъ. Извольте, говорить, получить, господинъ Васильковъ: это, говорятъ, прислана вамъ премія изъ лондонскаго учено-литературнаго общества. — Да вѣдь ясно слышу, что говорить и громко таково, точно знаетъ, что я крѣпокъ на ухо. Разумѣется, я обрадовался. Пасилу-то! подумалъ себѣ, вскочилъ какъ сумасшедшій, бросился къ этому англичанину и ужъ протянулъ руки къ боченку, — но въ это мгновеніе англичанинъ вдругъ исчезъ, точно сквозь землю провалился проклятый Джонъ Буль. Куда онъ дѣвался? думаю себѣ; бросился въ кухню — никого нѣтъ; заглянулъ въ кухню — нѣтъ, выбѣжалъ за ворота, смотрю: по тротуару, по направленію къ Крестовской улицѣ, идетъ какой-то господинъ, точно какъ онъ, — я за нимъ бѣгомъ, какъ былъ, въ халатѣ, смотрю: тьфу, чортъ возьми! — писмоводитель изъ дворянской опеки. Вѣрите ли, съ ума было сошелъ отъ бѣшенства. Кажется, въ рукахъ былъ кладъ, да вотъ взять было нельзя. И чортъ его знаетъ,

откуда этотъ англичанинъ явился... Въ другой разъ прихожу изъ училища. Продрогъ до костей. Сижу, пью тоже чай. Вдругъ загремѣло что-то по комнатѣ, страшно загремѣло. Глядь — что за чудо — по полу катается огромный боченокъ, и видно, что тяжесть въ немъ страшная. Я вскочилъ, хотѣлъ схватить — не тутъ-то было — виляетъ, шельма, по комнатѣ, точно живой. Ловилъ, ловилъ, изъ силъ выбился. Кричу женѣ: «Маша, Маша, помоги!» — Та вошла. «Что ты?» спрашиваетъ. — Да вотъ развѣ не видишь, боченокъ по полу катается! Лови его! — «Помилуй, говоритъ, Егоръ Иванычъ, я никакого боченка не вижу.» — Да что у тебя глазъ что ли нѣтъ? Вотъ онъ возлѣ тебя — лови, дура! — «Да полно, говоритъ, Егорюшка, это тебѣ мерещится.» — Какой чортъ мерещится — вотъ онъ! Стой! Советѣмъ было схватить, — нѣтъ, исчезъ, апогема! Скажите пожалуйста, докторъ, что это такое? Неужели припадки бѣлой горячки?

— Похоже.

Я прописалъ ему лѣкарство, строжайшимъ образомъ запретилъ пить водку и сталъ навѣщать его.

Въ короткое время припадки исчезли.

Тогда у меня было по горло дѣла; я безпрестанно развѣзжалъ по уѣзду, почти жилъ въ тарантаѣ, и послѣ того почти съ мѣсяць не видался съ Васильковымъ. Какъ вдругъ однажды прибѣгаетъ ко мнѣ жена его въ слезахъ и въ страшномъ отчаяніи.

— Сдѣлайте одолженіе, докторъ, пожалуйста къ намъ поскорѣе: съ мужемъ дѣлается что-то ужасно страшное, перепугалъ меня до смерти.

— Что же съ нимъ?

— И сама не знаю, — но что-то ужъ очень страшное.

— Пьетъ онъ?

— Нѣтъ, вотъ ужъ съ мѣсяць въ ротъ ничего не беретъ, — съ тѣхъ поръ, какъ вы ему запретили.

Отправляюсь. Васильковъ сидѣлъ въ своемъ залцѣ за ломбернымъ столомъ и съ самымъ серьезнымъ и глубокомысленнымъ видомъ перебиралъ какія-то бумаги.

— Здравствуйте, Егоръ Иванычъ! подошелъ я къ нему.

— Погодите, не мѣшайте, докторъ, дѣло серьезное, отвѣчалъ онъ, продолжая разсматривать бумаги. — Сейчасъ объясню вамъ въ чемъ дѣло. Вотъ видите ли, обратился онъ ко мнѣ минутъ черезъ пять, — сегодня утромъ я получилъ очень важныя депеши изъ Англіи. Прихожу изъ училища, а они и лежатъ вотъ здѣсь на столѣ. Должно быть безъ меня почтальонъ принесъ. Англійское правительство вызываетъ меня въ Лондонъ, увѣдомляетъ, что мнѣ дано уже званіе лорда, что я сдѣланъ членомъ парламента, наконецъ, что задача моя удостоена преміи и боченокъ золота для меня приготовленъ. Тешерь вотъ только не знаю, какъ уладить это дѣло. Главное — денегъ

нѣтъ, а отправиться непременно нужно. Да вотъ еще надобно сшить приличный костюмъ для жены. Пожалуй придется въѣздъ представиться съ ней и королевѣ. Хочу написать въ Лондонъ, чтобы оттуда выслали. Какъ вы мнѣ посоветуете?

— Гдѣ же у васъ эти дешени? спросилъ я.

— Да вотъ они.

И онъ подалъ мнѣ нѣсколь- ко лоскутковъ бумаги. Это были смотрительскія предни- санія, счета изъ овощной и мясной лавокъ и кой-какія записки отъ товарищей по службѣ. Я взглянулъ на него внимательно. Лицо его было блѣдно и глаза страшно мут- ны. Къ выраженію лица сумас- шедшихъ я присмотрѣлся и для меня не оставалось ни- какого сомнѣнія, что бѣдный Васильковъ помѣшался. По- пробовалъ было я подлѣчить его, но ничего нельзя было сдѣлать. Штатный смотритель донесъ директору объ этомъ обстоятельстве. Василькова освидѣтельствовали и отпра- вили на излѣченіе въ Петер- бургъ, въ домъ умалашенныхъ.

Спусти съ годъ послѣ того и мнѣ понадобилось по- ѣхать въ Петербургъ. Дай, думаю себѣ, провѣдаю ста- раго знакомаго. Отправился, Дѣло было лѣтомъ. Мнѣ сказали, что сумасшедшіе гуляютъ въ саду. Одинъ изъ сторожей за обѣщанное на водку взялся проводить меня туда. Тотчасъ же отыскали мы и лорда Василькова. Онъ сидѣлъ на пригорочкѣ и смо- трѣлъ на пролежавшую мимо дорогу.

— Здравствуйте, Егоръ Ивановичъ!

Онъ туло взглянулъ на меня и, повидимому, не узналъ.

— Ну, какъ вы здѣсь по- живаете, что подѣлываете?

— Да вотъ все жду, отвѣ- чалъ Васильковъ, — когда мнѣ привезутъ изъ Англии боченокъ золота, или, по- крайней мѣрѣ, вышлютъ день- ги на проѣздъ въ Лондонъ. Чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ медлятъ.

А. П. Голицынский.

САМОДУРСТВО ТАБАКОВЦЕВЪ

...Но и самыя лучшія, самыя благія, самыя свѣтыя намѣренія обстоятель- ствами не рѣдко измѣняются...

Изъ разсужденій патріотиче- ского коммерсанта.

Для проѣзжающихъ и пріѣзжающихъ, выражаясь вы- сокимъ слогомъ трактирныхъ вывѣсокъ,—городъ Таба- ковскъ представляетъ одно изъ преестранныхъ явленій об- щественной жизни, не рѣдко вводя въ заблужденіе не- посвященныхъ въ тайны домашняго обихода, о дѣятель- ности табакоевскихъ гражданъ. Туристы-неофиты,—ка- кими по-большей части оказываются «проѣзжающіе и прі- ѣзжающіе», — прочитавъ на одномъ изъ болѣе видныхъ домовъ города, (Большая или Московская улица) на вы- вѣскѣ, золотыми буквами по голубому полю, изображен- ное тако: *Коммерческо-копироватское Собраніе*; на другомъ, тоже довольно видномъ домѣ (базарная площадь), по обѣимъ сторонамъ двустворчатыхъ дверей, золотое по черному фону изображеніе: *Коммерческо-трактирное*

завѣдѣніе; а на поматнувшей, съ дырявою крышею ла- чужкѣ, намалеванная на бѣлой жести порыжею сажею искривленные слова: *Коммерческо-Итейный Домъ*, не- вольно могутъ подумать, что Табаковскъ велими торговый городъ, переполненный сверху до низу коммерческими людьми всѣхъ родовъ и видовъ. Пичуть этого и не бы- вало. Весь торговый людъ, собственно такъ называемые кушцы, цѣликомъ вышелъ изъ заднихъ рядовъ торговыхъ лавокъ: прасолы, лобазники, кулаки, молодцы, прикащики и тому подобныя *слетки* да *шиши*, вотъ представители коммерческаго класса города Табаковска. Потомственныхъ, изъ рода въ родъ наследственныхъ одинъ другому ком- мерсантовъ,—въ полномъ смыслѣ и значеніи этого слова,— г. Табаковскъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, какъ по справкѣ оказалось, не имѣетъ ни одного лица. Да и торговля въ этомъ городѣ цвѣтетъ на подобіе плѣ- сени, съ горемъ пополамъ и съ двойнымъ грѣхомъ на душу: не повѣрилъ—не продалъ, а повѣрилъ—и капи- таль и товаръ пропалъ!... Почему же, спросить иные любозпательные мужи, городъ Табаковскъ такъ пристра-

стенъ къ заявленію—посредствомъ вывѣсокъ—положимъ, о себѣ и о своей торговой дѣятельности, якобы о городѣ коммерческомъ, коммерсантами преизобилующемъ? Это я постараюсь выписать на основаніи нижеизложенныхъ мною фактовъ,—предварительно прося любезныхъ читателей взрѣчь моимъ показаніямъ безпрекословно—*ничтоже сумняся*....

Въ концѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, старашіями табаковскихъ тузовъ, въ городѣ былъ основанъ клубъ, получившій наименованіе *англійскаго*,—почему? основатели клуба объяснить этого не могли, отъ того, что и сами-то плохо понимали значеніе этого слова. Думаю, что эту кличку придали Табаковцы своему клубу по примѣру другихъ клубовъ, существующихъ едва ли (въ настоящее время) не во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ русскихъ.—Дѣла этого русскаго заведения съ чужеземнымъ прозвищемъ до началъ 30-хъ годовъ были великолѣпно-блистательны. Да какъ и не процвѣтать и не благоденствовать было въ тѣ припомнатныя времена табаковскому англійскому клубу?... Да, тогда было не то, что нынѣ!... Въ началѣ 30-хъ годовъ прибылъ въ г. Табаковскъ нѣкто Дердидасъ, родомъ французъ,—лицо вліятельное и на выдумки и затѣи зѣло тароватое. Хозяйственнымъ старшій клубу былъ Амбаровъ (тотъ самый ветхій старичекъ, портретъ котораго украшаетъ стѣны развалинъ настоящаго англійскаго клуба); Дердидасъ немедленно подчинилъ его своему обаятельному вліянію,—и не прошло еще и года, какъ экономическая часть клуба представила въ отчетѣ своемъ огромный дефицитъ. Въ экстренномъ собраніи гг. членовъ клуба—при чтеніи годичнаго отчета и повѣркѣ денежной суммы—гг. членамъ пришлось только ахнуть отъ удивленія: такая-то страшно громадная сумма основнаго капитала, собираемаго въ теченіи 30-ти лѣтъ, улетучилась, благодаря экономическимъ приемамъ новаго распорядителя. Въ особенности одна статья по расходу обратила всеобщее вниманіе гг. членовъ: покупка мебели для клуба. Кромѣ того, что по отчету выведена была громадная сумма,—а мебели еще никто не видалъ,—самая выдача денегъ была произведена безъ предварительнаго о томъ совѣщанія между членами. Новый распорядитель забылъ и думать о членахъ совѣта... Оно и ближе къ цѣли: своя рука владыка!... Одинъ изъ членовъ—нѣкто Криволаушенко—такъ резюмировалъ дѣйствія Дердидаса и Амбарова: «Гг.! Вѣдь мы не члены турецкаго Дивана»,—сказалъ онъ съ комическою важностію.—«Тамъ уже издавна ведется такой обычай, самимъ временемъ освященный и всѣми безпрекословно пріемлемый,—сходиться для подписи задолго прежде рѣшенныхъ дѣлъ...» Это сравненіе многоглаголевыхъ и шумливыхъ русаковъ съ безмолвными поклонниками Аллаха, сильно задѣло амбицію русскихъ представителей англійскаго клуба. Никогда не забыть мнѣ

этотъ вечеръ и этакого шумнаго засѣданія!... Я не зналъ куда дѣваться отъ всевозможныхъ, на всѣ лады придуманныхъ и предлагаемыхъ соображеній, предположеній, обвинаній, восклицаній—и многихъ другихъ разныхъ мелочей и пустячковъ... Члены клуба вполне раздѣлились на сл. Дердидасъ окончательно разсердился весь. Онъ не хотѣлъ принимать никакихъ компромиссовъ и объявилъ рѣшительнымъ тономъ, что не только онъ не останется почетнымъ старшиною, но даже и простымъ членомъ *такого-скандальнаго* клуба... Амбаровъ, самолюбіе котораго сильно было уколото нежданною повѣркою и сомнѣніемъ на его счетъ,—слегъ въ постель отъ огорченія, перенесъ нѣсколько отчаянныхъ кризисовъ и вышелъ изъ этого своего рода чистилища совершенно обновленнымъ человекомъ—его голова очистилась и отъ волосъ и отъ ума...

Дердидасъ потерялся. Сильный своимъ вліяніемъ, онъ созвалъ своихъ клиентовъ и предложилъ имъ основать новый союзъ любви и дружбы. Услужливые клезмы,—хотя-не-хотя,—дружно пошли на выручку своего патрона. Были призваны на содѣйствіе и другіе города, жители которыхъ изъявили свое согласіе быть, если и не дѣйствительными членами, за то постоянными и щедрыми вкладчиками... И дѣйствительно, въ самое короткое время составилъ приличный капиталъ—и основаніе новому клубу было положено окончательно. Оставалось только придумать соотвѣтственное новому заведенію названіе—и дѣло было въ шляцѣ. Послѣ многихъ предложенныхъ кліентами, «не складными умниками и лукавыми простаками» — хитро-придуманныхъ ими наименованій, патронъ остановился на двухъ. Сильно понравилась ему оба названія,—и вотъ онъ ухитрился соединить два названія въ одно,—и тѣмъ самымъ знаменательно указалъ на дѣйствія новой ассоціаціи. **КОММЕРЧЕСКО-КОННОЗАВОДСКОЕ СОБРАНИЕ** — вотъ какимъ разразился Дердидасъ затѣйливо придуманнымъ, не хуже ипаго хитраго нѣмца, противенно-сложнымъ словомъ. — Изъ подражанія вліятельному лицу,—изъ угожденія и въ чаяніи великихъ благъ, находчивый трактирщикъ Пикодимъ возвеличилъ свою гостиницу *коммерческо-трактирнымъ заведеніемъ*;—завнимъ, себѣ на умѣ, и цаловальникъ Парменъ, по слову вице: «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней»—придалъ своему невзрачному кабаку кличку: *коммерческо-питейнаго дома*. Теперь, я думаю, ясно для моихъ любезныхъ читателей, что коммерчество для города Табаковска есть дѣло случая, такъ сказать, напускное, вызванное своего рода угодливостію лицу такого человѣка, который... всегда можетъ пригодиться на всякой случай... Нельзя же! Угожденіе—самое скромное изъ всѣхъ чловѣческихъ желаній. «Я желаю угодить вамъ!»—какъ эти слова пріятно щекочутъ наши уши! Мы готовы развѣсить ихъ предъ каждымъ пріателемъ à la Маниловъ.

Къ несчастію—нѣтъ розы безъ шиповъ. И въ коммерческо-угодливомъ Табаковскѣ не мало и такихъ личностей, характеры которыхъ смахиваютъ и на медвѣдя-Собакевича, и на разбитнаго малаго, лихача-Ноздрева. Вотъ эти-то юные *слетки* и *шмши* до смерти любятъ потѣшиться на счетъ своего ближняго, подкузнить своихъ старшихъ братьевъ.

Вечамлотъ.

ПРОГРЕССЪ И ПРАГРЕЦЪ

Прогрессъ... прогрессъ... прогрессъ! Каждую минуту и отъ каждаго встрѣчнаго слышишь это слово; всюду, на каждомъ шагу, видишь слѣды прогресса! Но что же такое прогрессъ?—Прогрессъ есть... Впрочемъ позвольте: если бы я пустился въ филологическія, философическія и историческія разсужденія о прогрессѣ, то, во-первыхъ, многимъ показала бы настоящая статейка весьма скучною; во-вторыхъ, многіе, быть можетъ, лучше меня понимаютъ—что такое въ настоящее время прогрессъ; а втретихъ, статейка не была бы напечатана въ «Развлеченіи», какъ несоответствующая характеру этой газеты. А потому я лучше расскажу маленькую исторію, да пожалуй и не исторію, а такъ себѣ разговоръ мой съ дровоколомъ, который, — т. е. не дровоколъ, а разговоръ-то—послужилъ поводомъ къ этой немудрой статейкѣ.

Люблю я смотрѣть, какъ дровоколъ колеть дрова: топорико-колунъ иной разъ до того сточенъ, что имѣетъ видъ изломаннаго долота, а въ рукахъ дровокола рѣжетъ дрова, какъ рѣпу! Сколько разъ, надѣясь на крѣпость своихъ мышцъ и на хорошей топоръ, принимался я колоть дрова; но толку не выходило ни на грошъ; значить—всяко дѣло мастера боится. Правду же матку сказать,—въ такихъ случаяхъ руководило мною не одно любопытство, а болѣе необходимость, потому что безъ присмотра половина дровъ всегда остается во всей ея неприкосновенности, не смотря на искусство и ловкость дровокола. А чтобы надзоръ мой не казался дровоколу неприятнымъ, то я заводилъ съ нимъ какой нибудь разговоръ.

Кушилъ я недавно два воза дровъ, да не простыхъ, а *свойскіихъ*. Вы, быть можетъ, понимаете, что значитъ *свойскія* дрова. А я, признаюсь, въ первый разъ слышалъ такое названіе; по увѣренію дровяниковъ, дрова эти заключали въ себѣ особенное достоинство,—верхъ совершенства,—одно слово—*свойскіе!* По обыкновенію, въ среднихъ возовъ оказалось достаточное количество осиновыхъ и еловыхъ обрубковъ и разной гнили.

— Такъ вотъ какія у васъ, ребята, *свойскія*-то дрова? Славно же вы меня поддѣли! говорю я крестьянамъ, отдавая имъ деньги.

— Что-жь, баринъ, мы тебѣ такъ и гово

свойскіе; таперича у насъ къ рошѣ-то ни въ жисть не проѣдешь; а вотъ колько было *своихъ* дровецъ,—всѣ и поклали... Ужь вы, баринъ, на чаекъ пятиалтыничекъ пожалуйте.

Вотъ тутъ-то я и понялъ, что значать *свойскія* дрова.

— Ну, нѣтъ, ребята, на чаекъ-то давать вамъ не за что.

— Такъ дай, баринъ, хоть папироску, затянуться съ горя.

Папироску я далъ.

Между тѣмъ дровоколъ, увѣрившій также меня, что дрова «настоящій сахаръ», ретиво принялся за дѣло.

— Вотъ, братецъ ты мой, говорю я ему, усаживаясь къ столу, — какой нынче народъ: тебя же обманетъ, а ты еще на чаекъ просить, а не дашь, такъ хоть папироску съметь. — Прежде о папиросахъ-то крестьяне и понятія не имѣли.

— Да ужъ таперича время такое, буркнулъ дровоколъ, не переставая дѣйствовать топоромъ.

— А вѣдь это тоже въ нѣкоторомъ родѣ прогрессъ,—то-есть чайки да папиросы-то? а? Ты слыхалъ слово прогрессъ?

При этомъ вопросѣ дровоколъ бросилъ топоръ и оберъ лицо рукавомъ рубахи.

— Знаемъ, какъ не знать прагрецъ!... Подавиться, бы тому, кто его выдумалъ. Выдумали прагрецъ, чтобы бѣднаго человѣка въ конецъ разорить! И хватилъ полѣно такъ, что оно разлетѣлось въ обѣ стороны.

— Э, нѣтъ! ты не такъ понимаешь: прежде русскій народъ косилъ въ невѣжествѣ, просто, какъ бы тебѣ сказать, находился во снѣ, а потомъ пробудился и пошелъ впередъ по пути просвѣщенія, сталъ стремиться къ усовершенствованію себя...

— Понимаемъ, мы все понимаемъ! Намъ нечего зубы-то заговаривать. А ты, милый человѣкъ, понимаешь ли то, что хлѣбъ-то печеный понича ни съ того ни съ сего по семиткѣ за фунтъ стали продавать? А нашему брату —рабочему бѣдно фунта три въ день-то надо. У кого хлѣба-то цѣлые лобазы навалены, такъ тѣ подикось деньжищевъ-то сколько зашибуть! Капуста кислая по три коп. за фунтъ, а о свѣжей и думать не могли. Фатера опять: прежде кошеекъ 30, много полтина въ мѣсяцъ стоила, а понича за такую рубль надо дать. Вотъ тебѣ и прагрецъ! А то русскій впередъ пошелъ! Да русскій завсегда впередъ шелъ,—хоть въ огонь его пошли; цѣны на все, милый человѣкъ, впередъ все идутъ,—вотъ онъ прагрецъ-то! И съ этимъ словомъ дровоколъ плюнувши на ладони, съ какимъ-то остервененіемъ принялся сокрушать полѣно за полѣномъ и уже больше ни слова не вымолвилъ противъ моихъ убѣжденій въ пользу прогресса. Молчалъ и я.

И такъ въ одинъ день приобрѣлъ я два новыя для меня свѣдѣнія, — въ первыхъ, — что существуютъ «свойскія» дрова, а во 2-хъ, что существуетъ «прагрець», который лежитъ тяжелымъ бременемъ на плечахъ «бѣдняковъ-тружениковъ». И отчего же, думалъ я, происходитъ то, что *прогрессъ*, — это общее стремленіе къ общему благу, — переходитъ въ *прагрець*, т. е. становится тяжелымъ гнетомъ для многихъ личностей? А оттого, рѣшаю я, что многіе хотя прогрессивно стремятся къ благу, но не къ общему, а единственно къ своему личному благополучію, съ цѣлю какимъ бы ни было способомъ пощелкаться на счетъ ближняго. Возьмемъ, наприм. банкротства: — несостоятельность рѣдко доходила до 500 тыс. р., но въ настоящее время В—ны, какъ, видно, люди весьма прогрессивные, сдѣлали громадный шагъ на поприщѣ несостоятельности. Коли, дескать, ремизиться, такъ ужъ ремизиться такъ, чтобы во всей Европѣ ахнули, — ну и лопнули чуть не на три милліона руб. сер. Въ отношеніи къ В—мъ, — такой шагъ есть, въ иѣкоторомъ родѣ *прогрессъ*; но въ отношеніи кредиторовъ, ввѣрившихъ имъ свои капиталы, — этотъ шагъ будетъ уже *прагрець*, и они, подобно дровоколу, пожелаютъ В—ну (*) подавиться этимъ *прагрецомъ*.

А то вотъ Ч., — кто не знаетъ этихъ Ч.? Они скопѣ въѣху шли прогрессивно къ приобретению, т. е. къ усовершенствованію... своего капитала. Отецъ нынѣшнихъ Ч. такъ быстро шагалъ по пути стяжанія, что въ самое короткое время изъ лапотника сдѣлался милліонеромъ и подъ конецъ такъ далеко шагнулъ, что какъ разъ попалъ въ такую западню, изъ которой ни одна живая душа не могла бы выскочить, а онъ выскочилъ. Напоследокъ, окончивши земное поприще, старый Ч... отъѣде съ миромъ въ вѣчныя селенія, уготованныя подобнымъ ему прогрессистамъ, оставивши на поминъ души своимъ итенцамъ очень значительныя сокровища. Итенцы вспорхнули и быстро, неустрашимо понеслись, во имя прогресса, впередъ... къ приобретению, презирая всѣ гражданскія и уголовныя препятствія... Затѣяли, напр. итенцы производить торговлю лѣсомъ, въ обширныхъ, конечно, размѣрахъ; а такъ какъ они въ этой операциіи ничего не смыслили, то и взяли въ товарищество К—на, специалиста по этой части. К—нъ повелъ дѣло отличнымъ манеромъ; пришлось выгодно скупить рожи, К—нъ не сталъ откладывать дѣло въ долгій ящикъ, — заложилъ свои дома, взялъ подъ личные векселя денегъ, въ надеждѣ на товарищество Ч...., — и операциія принесла бы большіе барыши; но подошли сроки платежей по закладнымъ и по векселямъ, а время на

выгодный сбытъ товара еще не пришло, — К—нъ и обращается къ Ч—мъ, — выручайте, дескать, други-товарищи; дайте денегъ, — послѣ все съ лихвою получите... Но Ч—вы денегъ не дали; ты, дескать, покупай, ты и расплачивайся, и придется, дескать, барыши получать, такъ мы ужъ тутъ лапу-то заустимъ. Дома свои К—нъ заложилъ *безбородымъ*, у которыхъ рожи на мятые моченые яблоки похожи. Одного изъ этихъ безбородыхъ К—нъ во время оно изъ острога выручилъ; но ужъ извѣстно, что для безбородыхъ одна цѣль въ жизни, одно наслажденіе — деньги, деньги и деньги. А потому безбородые, безъ дальнихъ околичностей, объявили К—на несостоятельнымъ и спустили его въ ямку, гдѣ онъ, сердечный, съ горя и померъ. А Ч—зы, подъ шумокъ, тѣ лѣсные матеріалы, о которыхъ кредиторы не имѣли свѣдѣнія, прибрали поскорѣе къ своимъ рукамъ. Послѣ дѣло это пообнаружилось и пошло по уголовной: но Ч—мъ уголовная дорожка очень знакома и нисколько не страшна. Они предъявили къ К—ну претензію въ 10 т. р., потомъ претензіи эта возрасла до 60 и наконецъ до 80 т. дѣйствительность этого долга Ч—ты вызвались подтвердить торговыми книгами, только книгъ-то цѣлый годъ не могли найти; наконецъ, явились и книги, изъ которыхъ, однакожъ, нельзя было вывести никакого заключенія въ пользу Ч—хъ. Но они нисколько не унываютъ; они не жалѣютъ денегъ ни для адвокатовъ, ни для *юрисконсультовъ*, и, пожалуй, выиграютъ. Въ отношеніи къ Ч—мъ дѣянія ихъ носятъ характеръ прогресса, въ извѣстномъ смыслѣ; но въ отношеніи къ К—ну, къ несчастному его семейству и прочимъ кредиторамъ, — эта штука будетъ уже *прагрець*.

Вотъ еще образецъ прогресса. Калоѣловъ занимаетъ довольно видное мѣсто и дорога передъ нимъ широкая; но вдругъ начинаетъ поговаривать, что не желаетъ болѣе отправлять свою должность. А почему? «Потому что не стоитъ, говорить, овчинка выдѣлки.» Вѣдь это, согласитесь, прогрессъ? Прежде Калоѣловъ доволенъ былъ *овчинками*, которыя попадали ему на выдѣлку; но, влекомый неудержимой силою прогресса, — онъ вознамѣрился оставить *овечекъ* въ покоѣ и приударить по *красному звѣрю*... Что же касается до *выдѣлки*, то ужъ Калоѣловъ на это великій мастеръ. Онъ наприм. для пріятеля своего Кремницкаго изъ *девяти* сдѣлалъ *восемь*. По нашему православному счету выходитъ девять дней, а по счету Калоѣлова вышло восемь! Вотъ это прогрессъ! Только для противника Кремницкаго этотъ прогрессъ обратился въ гнуснѣйшій *прагрець*.

— Шабашъ, баринъ, чисто!

Я такъ и вздрогнулъ, и параллельная линия, которую я проводилъ между понятіями *прогрессъ* и *прагрець*, внезапно порвалась.

(*) Одинъ В—нъ умеръ.

— Такъ неужели ты, говорю я дровоколу, всё перекололъ? Смотри, братъ, нѣтъ ли тутъ прагреца?

— Нѣтъ-съ, —мы эфтимъ не занимаемса. Прощенья просимъ.

Любопытный.

ПРОРОЧЕСТВО БАБУШКИ

«Ну вотъ, настали времена,
Сбылися въ мѣрѣ предсказанья;
Вездѣ обманъ, грабежъ, война,
Пора людямъ на покаянье.
Народъ не въ мѣру ужь грѣшитъ,
И день и ночь пиры, веселье....»
Такъ часто бабушка твердитъ, —
«Знать скоро свѣта-преставленья.»

«Какъ можно прежній вѣкъ сравнить!
Не знали мы названья винамъ,
А нынче позволяютъ пить
Мужья дражайшимъ половинамъ.»
Сама же бабушка вино
Тихонько пьетъ для подкрѣпленья,
А между тѣмъ твердитъ одно,
Что скоро свѣта-преставленья.

На кофю и на бобахъ
И въ карты бабушка гадаеть,
А за бостонъ на вечерахъ
Она коритъ меня, ругаеть:
«Не даромъ вѣзмъ дался картежъ,
Бѣсовъ лукавыхъ наводенье;
Вся развратилась молодежь,
Знать скоро свѣта-преставленья!»

Не любитъ бабушка, когда
У ней года считать кто станетъ;
Къ мужчинамъ ласкова всегда,
Заговорится, —не ответитъ;
Но если гдѣ поговоритъ
Нашъ братъ съ дѣвицей отъ бездѣля,
То бабушка тотчасъ твердитъ,
Что скоро свѣта-преставленья.

Не любитъ бабушка скупыхъ,
Сама же нищихъ выгоняеть,
Терпѣть не можетъ всѣхъ франтихъ,
А сѣдину свою скрываетъ.
Сама ужь третій разъ вдовой,
А мнѣ дасть все наставленья:
«Нѣтъ, не женись, голубчикъ мой,
Вѣдь скоро свѣта-преставленья.»

Мы разъ на свадьбу съ ней пошли,
Тамъ танцы шли своимъ порядкомъ;
Моей старушкѣ поднесли, —
И вотъ она пошла въ присядку;

Шалааясь бабушка ворчитъ
И говоритъ мнѣ съ сокрушеньемъ:
«Мою головушку кружигъ....
Никакъ ужь свѣта-преставленья!»

Малышевъ.

МОСКОВСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Открытіе женскихъ училищъ. — Неудавшіеся происки. — Штрафъ за оскорбленіе лошади. — Г. Поросяткинъ и Наливка. — Театральные самодуры. — Мольеровскій Тартюфъ и каратыгинскій Настройщикъ. — Болѣзнь г-жи Шапошиковой. — Ревизіонная коммиссія. — Не лигературные вечера. — Благодарность Нѣмецкому клубу. — Исправлющійся Вася и отряпающійся Саша. —

Услуга, оказанная городскимъ управленіемъ бѣднѣйшему сословію московскихъ обывателей, учрежденіемъ въ Москвѣ женскихъ начальныхъ училищъ, до такой степени важна и существенна, что не упомянуть о ней въ хроникѣ, имѣющей читателей, до которыхъ подобное извѣстіе весьма близко касается, было бы непростительно. До сихъ поръ дѣло первоначальнаго женскаго образованія представлялось исключительно частной инициативѣ. Въ существующія въ настоящее время женскія народныя школы въ Москвѣ содержатся на счетъ частныхъ людей и благотворительныхъ обществъ; онѣ поддерживаются добровольными пожертвованіями. Но усилія частныя недостаточны для удовлетворенія обширной и повсемѣстно ощущаемой потребности образованія. Положеніе этихъ частныхъ школъ не можетъ считаться цвѣтущимъ, потому уже, что средства ихъ слишкомъ ограничены. Нѣкоторыя школы поставлены были въ необходимость превратиться въ мастерскія; занятіе рукодѣльями почти совсѣмъ вытѣснило обученіе предметамъ, имѣющимъ цѣлью умственное образованіе. Вслѣдствіе ограниченности средствъ, преподаваніе въ этихъ школахъ большею частію безплатное, т. е. труды учителей не вознаграждаются матеріально, а всякое училище, учрежденное на такомъ основаніи, не прочно, не обезпечено въ самомъ существованіи своемъ. Часто случалось, что за выбытіемъ всѣхъ учителей, ученіе на время приостанавливалось. Такое шаткое положеніе частныхъ начальныхъ женскихъ училищъ не могло укрыться отъ бдительности городского управленія, которому ввѣрено попеченіе обо всѣхъ интересахъ жителей города. Чтобы возвысить уровень первоначальнаго образованія, имѣющаго рѣшительное вліяніе на всю жизнь и дѣятельность человѣка, городское управленіе признало необходимымъ, назначить, изъ доходовъ города, сумму въ 9,500 руб. на учрежденіе первоначальныхъ женскихъ училищъ, ограничивъ число ихъ, на первый разъ, пятью. Сумма эта распределяется по ровну, т. е. по 1900 р. на каждое училище. На дняхъ приступлено уже къ открытію училищъ, которыя будутъ состоять въ вѣденіи го-

родскаго управленія, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ попечителя московскаго учебнаго округа и мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ. Для содѣйствія усилѣнному развитію училищъ и для ближайшаго завѣдыванія ими, избраны изъ числа гласныхъ особый комитетъ, состоящій изъ пяти попечителей и кромѣ того приглашены пять попечительницъ. Въ эти училища принимаются дѣти всѣхъ состояній безъ различія вѣроисповѣданія, начиная отъ семилѣтняго возраста. При поступленіи въ училище, не требуется предъявленія какихъ либо документовъ. За обученіе дѣтей родители платятъ въ годъ только три рубля, которые они даже могутъ вносить по третямъ. Образующаяся сумма изъ взносовъ предназначается на выдачу наградъ самымъ прилежнымъ ученицамъ и на пособія бѣднѣйшимъ дѣвочкамъ при оставленіи ими училища. Дѣтямъ самыхъ бѣдныхъ родителей предоставляется право пользоваться бесплатнымъ обученіемъ. Для преподаванія закона Божія приглашенъ священникъ, которому назначено ежегодное вознагражденіе въ 200 руб. Преподаваніе же всѣхъ прочихъ предметовъ и обученіе рукодѣльямъ ввѣрено учительницѣ и ея помощницѣ. Чтобы обезпечить существенныя потребности учительницы и ея помощницы, назначено содержаніе учительницъ въ 350 р., а помощницъ 250 р. При этомъ нельзя не обратить вниманія, что цифры эти хотя и не велики, но при готовомъ помѣщеніи, которымъ пользуются учительница съ помощницей, показались до такой степени привлекательными, что претендантокъ для занятія этихъ должностей явилось множество. Въ числѣ этихъ многихъ, не мало, говорятъ, нашлось и такихъ, которыя, имѣя весьма удовлетворительные аттестаты изъ учебныхъ заведеній, были, сами по себѣ, весьма удовлетворительны для исполненія серьезныхъ и важныхъ обязанностей, сопряженныхъ съ дѣломъ начальнаго образованія юныхъ гражданокъ. За этихъ послѣднихъ претендантокъ нашлось много ходатаевъ; но, слава Богу, вліяніе ходатаевъ не поколебало готовность людей благомыслящихъ, пропикнутыхъ важностью принимаемыхъ на себя обязанностей и дорожащихъ довѣріемъ общества, быть истинно полезными. Выборъ учительницъ и ихъ помощницъ, помимо всякихъ протекцій, палъ на достойныхъ и бѣднѣйшихъ, для которыхъ мѣста эти будутъ истиннымъ благодѣяніемъ.

Мнѣ сообщали между прочимъ, что будто въ числѣ претендантокъ на мѣста учительницъ, явилась эмансипированная барынька, исправно посѣщающая съ чернышкимъ господиномъ маскарады и развѣзжающая не иначе, какъ на лихихъ извозчикахъ. Этой барынькѣ (забылъ ея фамилію) нужно было мѣсто учительницы для того собственно, что-бы жить независимо отъ своего мужа, имѣющаго несчастіе ей не правиться. Казалось бы, что въ претензіи подобной барыньки не могло быть ничего особеннаго,

но важно тутъ то обстоятельство, что за эту барыньку взялись хлопотать. И что же? Попечители, желая искренно служить дѣлу, не уважили ходатайства.

Гласные мировые суды унимаютъ теперь не только самоуправство разумныхъ существъ надъ разумными, но даже и надъ безсловесными, неразумными существами не позволяютъ много своевольничать. Недавно, по распоряженію члена общества покровительства животныхъ, представленъ былъ въ камеру мирового судьи крестьянинъ, который, навьючивъ слишкомъ грузно подводу, вздумалъ погонять запряженную въ нее свою лошадь сперва кнутомъ, потомъ кнутовищемъ, а за тѣмъ и собственными своими ногами, обутыми въ сапоги съ подковками. Утомленная кляча не могла тронуться съ мѣста, но хозяинъ безжалостно продолжалъ ее тиранить и наконецъ принялся бросать въ нее камнями. Звѣрская эта сцена привлекла толпу прохожихъ, которые хладнокровно смотрѣли на истязанія несчастнаго животнаго. Неизвѣстно чѣмъ бы кончилась подобная сцена, если бы не подоспѣлъ, во-время, членъ общества покровительства животныхъ и не приказалъ бы городовому унтеръ-офицеру заарестовать крестьянина. Мировой судья, сдѣлавъ внушеніе о неблаговидности такого поступка, и руководствуясь 29-мъ параграфомъ Высочайше утвержденнаго общества покровительства животныхъ, оштрафовалъ крестьянина 25-ю копейками. Сумма—ничтожная; но самый фактъ возможности подобнаго штрафа за самодурство съ безсловесною скотиной, благодѣтельно повліялъ не только на главнаго виновника, но и на всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ разбирательствѣ.

Благодаря мировымъ учрежденіямъ, постепенно водворяется благоустройство на тѣхъ бульварахъ, на которыхъ, не такъ давно, наша молодежь любила порой показывать свою удалъ. Какъ на остатокъ прежняго великолпнія, прежнихъ размахистыхъ привычекъ, могу указать на наивный, до ребячества, подвигъ одного господина по фамиліи, положимъ, хоть *Поросенкина*. Любя, въ былыя времена, разгуливать по Тверскому бульвару не иначе, какъ въ вакхическомъ настроеніи, онъ, въ одинъ изъ благопріятныхъ вечерковъ, притащилъ съ собою полштофа наливки, который опорожнить рѣшился впрочемъ не ранѣе двѣнадцатаго часа ночи, когда бульваръ советѣмъ почти опустѣлъ. Причина такого долготерпѣнія заключалась въ боязни набѣдокурить и за свое бѣдокурство попасть къ мировому судѣ. Опасенія Поросенкина оказались весьма основательными. Едва онъ осушилъ свой полштофъ, какъ въ немъ самомъ проявились воинственные наклонности. Онъ сталъ придираться къ проходящимъ и чуть было не подрался съ какимъ-то офицеромъ. Тотъ кликнулъ городского, и храбраго Поросенкина повлекли къ квартальному надзирателю. Дорогою пылъ Поросенкина советѣмъ остылъ. Онъ попросилъ офицера извинить его. Хотя офицеръ и со-

— Милая, няня, стань пожалуйста на четвереньки: я хочу нарисовать корову.

гласился помариться съ Поросенинымъ, по кварталный надзиратель, составивъ актъ, препроводилъ его на усмотрѣніе судьи. Въ камерѣ мирового судьи наивность Поросенина выказалась вполне. Считаая себя совершенно невиновнымъ, такъ какъ оскорбленный офицеръ ничего не искалъ на немъ, онъ не могъ понять, въ чемъ именно заключался его проступокъ. Ему казалось весьма позволительнымъ приходить на бульваръ съ полштофикомъ и, въ виду гуляющихъ, раскидывать живительную влагу на свѣжемъ воздухѣ. Мировой судья, растолковавъ Поросенину неудобство такого расчитія, приговорилъ его къ уплатѣ трехъ рублей штрафа. Поросеникъ отиравился на свое мѣсто весьма довольный.

— Три рубля, куда ни шло, и другой разъ можно будетъ кутнуть на бульварѣ. Кстати я ужъ какъ-то привыкъ къ нему! замѣтилъ онъ въ полголоса своему сосѣду.

— Ну, ужъ въ другой-то разъ за эту привычку придется посидѣть въ *Титовки*! возразилъ сосѣдъ.

— Вы это вѣрно знаете?

— Наиположительнѣйшимъ образомъ! На собственной своей персонѣ испыталъ.

— А, когда такъ, то на бульваръ больше ни ногой!

воскликнулъ Поросеникъ, махнувъ при этомъ выразительно рукой.

Видите, читатели, съ какою простою укрощаются нравы нашихъ уличныхъ самодуровъ. Не мѣшало бы также изыскать какія нибудь средства для укрощенія и *театральныя*, которыхъ въ послѣднее время развелось изрядное количество. Самодуры эти позволяютъ себѣ довольно часто шикать артистамъ, на которыхъ имѣютъ какія нибудь личныя неудовольствія. Не говоря уже о недобросовѣстности поведенія подобныхъ *цѣлителей* искусства, самое ихъ шиканье мѣшаетъ другимъ почитателямъ наслаждаться представленіемъ. Справедливо ли такое безнаказанное самодурство! Дежурные чиновники изъ деликатности, быть можетъ, не рѣшаются замѣчать подобнымъ господамъ ихъ неприличныя и часто очень назойливыя заявленія; но, мнѣ кажется, въ крайнихъ случаяхъ, деликатность слѣдовало бы отбросить въ сторону. Къ чему церемонія съ тѣми, которые сами не церемонятся!

На Маломъ театрѣ *и-жа Чумаковская* возобновила для своего бенефиса мольеровскаго *Тартюфа*. Исполненіе его на нашей сценѣ могло бы быть вполне добросовѣстнымъ, если бы сама бенефициантка въ жертву Тартюфу принесла

— Какъ ты смѣешь такъ колотить эту женщину? Вѣдь ты за это отвѣтишь.

— Слѣбу, потому—она моя жена; вотъ кабы она была лошадь или корова, то отвѣтилъ бы: теиерь за это взыскиваютьъ, а она моя жена.

свой собственный злонзмъ. Зачѣмъ ей было братья за роль Дорины. Для мольеровской служанки г-жѣ Чумаковской недостасть очень многого. У ней прежде всего нѣтъ ни капли той непринужденной веселости, безъ которой мольеровскія служанки не мыслимы. Въмѣсто бойкой, живой Дорины, она представила просто злобную дѣвку, російскаго происхожденія. Французскій костюмъ остался тутъ ни при чемъ, какъ будто г-жа Чумаковская надѣла его по ошибкѣ. Кромѣ того она позволяла себѣ слишкомъ гримасничать, самое чтеніе стиховъ не совѣмъ далось ей, слова не ладилась съ выраженіемъ лица, о мимической игрѣ не было и помина; но за то въ смѣлости ощущался большой избытокъ. Вѣроятно г-жа Чумаковская, подобно воину, закаленному въ бояхъ, хотѣла храбростью осилить Дорину; но увь! Дорина не поддавалась на такую тактику и была непоколебимѣйшимъ образомъ некажена. А жалъ и тѣмъ болѣе, что все прочіе испознители были на своихъ мѣстахъ. *Г. Самаринъ*, испол-

нявшій Тартюфа и *г. Шумскій*—Оргонта, неоднократно вызывали своею игрою громкіе взрывы рукоплесканій. Что же касается до мимической сцены (4-го дѣйствія), въ которой Тартюфъ, желая обнѣть жену Оргонта, сталкивается съ нимъ самимъ, то эта сцена была разыграна гг. Шумскимъ и Самаринимъ съ такимъ художественнымъ совершенствомъ, что самые хладнокровные зрители были увлечены ею. Восторженные рукоплесканія не умолкали въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Вообще «Тартюфъ» произвелъ самое выгодное впечатлѣніе на публику, но для полнаго его успѣха желательно, чтобы роль Дорины была передана безвозвратно г-жѣ Колосовой, которая съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣетъ передавать типы всѣхъ вообще мольеровскихъ служанокъ.

Вмѣстѣ съ «Тартюфомъ», неизвѣстно для какой цѣли, возобновленъ г-жею Чумаковской очень не новый, но очень пошлый водевилъ: *Жена и зонтникъ* или *Разстроенный настройщикъ*. Этотъ разстроенный настройщикъ, кото-

раго слѣдовало бы назвать *полоумнымъ* настройщикомъ и посадить въ желтый домъ на цѣпуру, не можетъ никакъ дать себѣ отчета въ томъ, что ему дороже: убѣжавшая ли жена, или пропавшій зонтикъ. Мѣшаетъ одну съ другимъ, путается и несетъ такую чушь, что невольно становишься въ тупикъ при мысли: чѣмъ именно такой настройщикъ могъ соблазнить г-жу Чумаковскую и какія такія сосредоточены въ немъ, незримыя ни для кого, прелести, въ силу которыхъ г-жа Чумаковская могла рѣшиться вытащить его изъ запыленныхъ полокъ библиотеки на свѣтъ Божій! Неужели же изъ стараго драматическаго труппы нельзя было выбрать вѣтошку почище этой! А впрочемъ... сборъ съ бенефиса доставилъ бенефициантѣ весьма кругленькую сумму. Хотя г-жѣ Чумаковской и не удалась роль Дорины, но публичка, заблаговременно расположенная яркимъ дарованіемъ этой артистки, наполнила театральную залу сверху до низу. При первомъ появленіи бенефициантки на сценѣ поднесенъ ей былъ роскошный букетъ, кажется, изъ однихъ тропическихъ растений. Какъ отрадно видѣть, что истинные таланты находятъ себѣ заслуженное поощреніе въ публикѣ!

Бенефисъ танцовщиковъ гг. *Ермолова* и *Рейнлаузена* походилъ на балетное попури, въ составъ котораго вошли отрывки изъ «Конька-Горбунка», «Фамметты», «Газельды» и «Метеора». Кромѣ того обѣщанъ былъ недавно поставленный одноактный балетикъ «Валахская Невѣста», но, по внезапной болѣзни г-жи *Шапошиковой*, онъ отпѣлся. Эта юная артистка, исполнявшая русскую пляску въ 1-й картинѣ «Конька-Горбунка» и игравшая, въ первый разъ, роль Газельды, въ 3-й картинѣ балета того же названія, очень утомилась, по этому только и не могла участвовать въ «Валахской Невѣстѣ». Пусть поклонники таланта хорошенькой танцовщицы не тревожатся: она теперь совершенно здорова и ея черные глазки блестятъ по прежнему.

Артистическій клубъ, говорятъ, дѣлаетъ кое-какія приготовления для лоттереи; но для ревизіонной комиссіи не дѣлается никакихъ приготовленій. Неужели же старшины или члены намѣрены отдѣлаться отъ ненавистной для нихъ комиссіи гробовымъ молчаніемъ? Вѣдь подобный способъ, при благодѣтельной гласности, можетъ показаться многимъ анахронизмомъ.

Въ клубѣ Купеческихъ прикащиковъ часто устраиваются *литературные вечера*. Недавно на одномъ изъ подобныхъ вечеровъ мнѣ привелось быть, но только, къ великому моему прискорбію, не удалось изъ него ничего вынести. Судя по этому вечеру, я не могъ даже хорошенько себѣ уяснить, вѣдѣствіе какихъ именно умозаключеній такого рода вечера носятъ названіе *литературныхъ*. Назвать ихъ, пожалуй, можно еще *читальными*, но ужъ никакъ не литературными. Чтобы быть

нѣсколько доказательнѣе въ своихъ словахъ, я намекну на нѣкоторыя подробности того *литературнаго* вечера, въ которомъ мнѣ пришлось испытывать нравственную пытку. Первый номеръ, по программѣ, носилъ слѣдующее законическое названіе: *музыка*. Извольте тутъ понимать какъ сами знаете. Съ нетерпѣніемъ я сталъ дожидаться исполненія этой *музыки*. Мнѣ также хотѣлось знать, отчего литературный вечеръ, въ который прибавлена еще музыка, названъ просто литературнымъ, а не *музыкально-литературнымъ*? спросить о томъ, по своей робости, я не рѣшился, такъ и не знаю! Но перейдемъ къ самому вечеру. Для исполненія желанной *музыки*, подѣлъ къ фортошьяно неизвѣстный мущина въ синихъ очкахъ. Что онъ такое игралъ, нельзя было разобрать. Въ продолженіе его игры посѣтители усаживались на свои мѣста, а самъ исполнитель, нисколько не стѣняясь шорохомъ, усердно наигрывалъ какія-то мелодіи. Если *музыка* эта предназначена была съ тою единственною цѣлью, чтобы водворить между слушателями надлежащую тишину, то ее можно назвать *совершеннѣйшею* въ своемъ родѣ. По окончаніи ея, въ залѣ дѣйствительно воцарилось гробовое молчаніе. Велѣдъ за тѣмъ выступилъ съ книгой г. *Глазуновъ*. Расположившись въ креслѣ передъ столомъ съ двумя зажженными свѣчами, онъ принялся читать элегію Розенгейма. Элегія эта, какъ извѣстно, сама по себѣ, не очень маленькая, при чтеніи г-на Глазунова, показала очень даже большою и чрезвычайно скучною. Чтецъ тщетно старался придать нѣкоторымъ фразамъ комическое выраженіе. За отсутствіемъ комизма въ себѣ самомъ, всѣ его старанія оставались втунѣ. Впрочемъ самъ онъ этого не замѣчалъ. Напротивъ, на лицѣ его часто показывалась самодовольная улыбочка, которая какъ будто говорила: «А что, господа, каково я читаю?» — Плохо, очень плохо! хотѣлось отвѣтить на вопросительную улыбочку г-на Глазунова. Чтобы читать публично, нужно обладать по крайней мѣрѣ правильною дикціей, а у г-на Глазунова въ произношеніи слышалась даже шепелявость. Такой чтецъ можетъ доставлять нѣкоторую долю удовольствія развѣ въ кругу своего свиходительнаго семейства, но нигдѣ больше. Послѣ элегіи прочтенъ былъ г-мъ *Петровымъ* рассказъ Успенскаго. Если первый чтецъ оказался крайне несостоятельнымъ по своимъ собственнымъ *литературно-отрицательнымъ* достоинствамъ, то второй выказалъ вполне свою несостоятельность своими копировальными способностями. Передавая разговоры дѣйствующихъ лицъ разсказа разными голосами, онъ старался подражать умершему разскащику Горбунову и, при этомъ стараніи, безпрестанно сбивался, придавая своему голосу какой-то страшный, фальцетно-носовой тонъ. Удовольствія своимъ чтеніемъ г. Петровъ не доставилъ никакого, да и не могъ его доставить: оно возбуждало не смѣхъ, а жа-

лость. Впрочем и туть нашлись пріатели, которые дружески похлопали и г-ну Петрову, и г-ну Глазунову. Охъ, ужь эти пріатели! Послѣ соло, исполненнаго г-мъ Качаловымъ на скрипкѣ, г. *Соболевъ* прочелъ разсказъ купца о представленіи «Гамлета» и приключеніяхъ съ бутылкой кваса. Разсказъ этотъ слишкомъ избитый и до чрезвычайности пошлый, развеселилъ слушателей, благодаря природному комизму г-на Соболева. Этотъ единственный чтець оказался, между прочими четырьмя, звѣздою первой величины. Онъ довольно искусно умѣетъ поддѣлываться подь тонъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ передаваемаго разсказа. Въ чтеніи его много неподдѣльнаго юмора. Миѣ кажется, что г. Соболевъ могъ бы быть вполне хорошимъ разсказчикомъ, если бы былъ нѣсколько повоздержнѣе и не позволялъ бы себѣ (изъ одного желанія пошмшнить почтеннѣйшую публику) вдаваться въ неумѣстную утрировку. Такъ наиримѣръ: во 2-мъ разсказѣ (Вечеръ, Успенскаго) онъ часто впадалъ въ фарсъ, передавая разговоръ старухи; а послѣднюю заключительную фразу: *Ай, батюшки, убеги! убеги!*, проговорилъ искливымъ, не натуральнымъ, не подходящимъ къ самому положенію испуганной старухи голосомъ. Прибѣгать къ подобнымъ неопозволительнымъ уловкамъ г-ну Соболеву нѣтъ никакой надобности: у него достаточно своего собственнаго комизма. Зачѣмъ же прибавлять къ нему еще панускиной? Не въ пользу г-на Соболева говорить также сдѣланный имъ выборъ разсказовъ. Первый, какъ я замѣтилъ, пошелъ до нелѣзости; а послѣдній грязенъ и салеенъ до приторности. Оба они могутъ быть пригодны для домашней, холостой вечерники, но ужь никакъ не для публичнаго, литературнаго вечера. Желательно было бы послушать г-на Соболева въ чтеніи чего нибудь болѣе серьезнаго. Впрочемъ судить о его талантѣ по двумъ этимъ разсказамъ невозможно.

Два другіе чтеца: гг. *Суховъ* и *Яковлевъ* возбудили во многихъ, говоря словами Гоголя, «незримыя слезы». Г. Яковлевъ своимъ чтеніемъ стихотворенія Некрасова «У параднаго подвѣзда» отпаялъ у него всю поэтическую прелесть, заявивъ при этомъ торжественно, что онъ не имѣетъ рѣшительно никакого понятія о томъ, какъ читаются стихи. Остапавливался онъ и дѣлалъ ударенія не тамъ, гдѣ слѣдовало бы по смыслу, а на римахъ, то есть, нецеремонно скандовалъ стихи. Что же касается до г-на Сухова, то, суди его Богъ и добрые люди! онъ совершилъ ужаснѣйшее преступленіе, посягнувъ на самого Гоголя. Высококомическій разсказъ «О капитанѣ Конейкинѣ» передавъ былъ имъ съ такою невозмутимою насивностью, что разсказъ этотъ невозможно было узнать.

— Но вѣдь мы участвуемъ безвозмездно и своимъ чтеніемъ приносимъ посильную пользу, знакомя посѣтителей съ произведеніемъ нашихъ авторовъ! возразятъ миѣ можетъ быть недовольные.

— Итъ, итъ и тысячу разъ итъ! Что вы, господа, участвуете безвозмездно, въ томъ, разумѣется, никто не можетъ усумниться, потому уже, что во всей вселенной не найдется такой мелкой монеты, которой бы не жаль было заплатить за ваше чтеніе. Относительно же посильной пользы я замѣчу, что подобными *литературными* вечерами можно скорѣе всего отбить охоту къ знакомству съ нашими авторами. Подумайте-ка объ этомъ, гг. пошечители этого клуба, къ чести котораго нужно отнести то важное обстоятельство, что изъ него изгнана картежная игра. Такому клубу всего болѣе необходимы *настоящіе* литературные вечера, а не мнимые, могущіе принести одинъ только вредъ.

Въ заключеніе своей хроники считаю долгомъ заявить глубочайшую признательность господамъ старшинамъ Нѣмецкаго клуба, за то, что они удостоили обратить вниманіе на мое замѣчаніе (№ 29 «Развлеченія») относительно правописанія. На той черной доскѣ, на которой красовалась прежде надпись: ДОЛГИ ПО ИГРА, сдѣлана поправка: на мѣсто неумѣстнаго *а* поставленъ не совѣмъ красивый *ь*. Спасибо имъ! Они убѣдили насъ, что и наше слово не мимо молвится.

Меня увѣряли также, что замѣчанія мои будто бы благодѣтельно поддѣйствовали на *Васю Памулова*. Прочитавъ ихъ, онъ, говорятъ, сбросилъ съ себя весь дурманъ, навѣянный на него въ заграничной поѣздкѣ. Въ добрый часъ!

О дальнѣйшемъ путешествіи *Саши Великанова* не могу пока ничего сообщить. Миѣ не удалось повидаться съ саркастическимъ старичкомъ. Слышалъ я только, что разсказъ этого старичка пришолся ему не по вкусу. Не желая походить на описаннаго *Сашу*, онъ покинулъ въ театрѣ свое завѣтное мѣсто въ пятомъ ряду, а перенесся въ первый рядъ. Какой онъ хитрый!

П. Ф.—въ.

К Ъ —————

Говоря: я согласна
Возражаете и о....
Есть, молъ, счастье—прекрасно,
Только гдѣ же оно?—

И вездѣ, гдѣ такъ ясно
Говорю вамъ одно,
Вы въ отвѣтъ: я согласна,
Между прочимъ же и о....

Я пытался напрасно,
Разгадать мудро
Это слово согласна
И потому это и о....

Говорить безпристрастно
Надо въ жизни одно,
Такъ зачѣмъ же согласна,
Когда слѣдуетъ и о??....
Владимиръ Стародубскій.

НАШИ РЯДСКІЕ БЕЗОБРАЗНИКИ

На дняхъ понадобилось мнѣ сходить въ городскіе ряды, кое-что-купить. Стою у одной лавки и вдругъ слышу, кто-то тоненькимъ голоскомъ зоветъ: «Гиршъ, гиршъ: херепъ-зи!» и за тѣмъ раздается хохотъ.... Чему-это такъ громко смѣются? спрашиваю я купца.

— Наши безобразники куражатся: еврея дразнятъ.

— Чѣмъ-же они его дразнятъ?

— Слышите кричать: Гиршъ, гиршъ!» еврей и думаетъ, что его кто нибудь изъ *своихъ* зоветъ и вертится во все стороны; а имъ-то и любо объявлять мнѣ купецъ. Я обернулся и действительно увидалъ еврея, озирающагося во все стороны. Наконецъ онъ вѣроятно догадался въ чемъ дѣло: плюнулъ, сказалъ, что-то по своему и пошелъ далѣе провожаемый тѣми-же возгласами и хохотомъ.

— Нечего сказать: пріятное препровожденіе времени! замѣтилъ я.

— Да это что! у насъ и не то дѣлается; дамамъ, въ особенности, если идутъ одиѣ—безъ мужчинъ—прохода не даютъ: прямо въ глаза разныя пошлости говорятъ, а про модистокъ и говорить нечего: такіе каламбуры отпускаютъ имъ, что просто уши вянуть.

— А хозяйка-то чего смотрять?

— Что хозяйка! и между ними есть такіе, что первые зачищники всякимъ безобразіямъ.

— Но вѣдь нынче, есть *мировые*, — проучать.

— И давно-бы пора, да жаль, что наши-то не натыкаются ни на кого позадоріе.

— А что если я нашъ разговоръ напечатаю въ какомъ нибудь журналѣ?

— И прекрасно сдѣлаете: покрайней мѣрѣ будетъ предостереженіемъ. Да ужъ кстати напишите и про скандалы съ разнощиками.

— Это еще что?

— Да какъ-же! рѣдкому разнощику не дадутъ какой нибудь клички: того зовутъ «Телеграфъ» другаго «Варешки» или тѣмъ «Шмой нищенкой» дразнятъ; въ особенности достается одному бѣдному:—онъ прежде, говорятъ,—тоже купцомъ былъ да разстроился, потерялъ разсудокъ—теперь ходитъ карандашки продаетъ, а больше милостыней живетъ—онъ не любитъ, чтобы его за палку трогали, а у него возьмутъ да и вырвутъ ее; тотъ конечно примется ругаться, а ругается-то по нещатиному, какъ говорится, извѣстно, человекъ разсерженный да къ тому-же и помѣшанный,—а вѣдь по рядамъ-то публика ходитъ.—

Я распростился съ купцомъ, обѣщавъ ему все имъ сказанное напечатать. Проходи *Пожевой Линіей*, я былъ окруженъ толною мальчиковъ и прикащиковъ «Къ намъ пожалуйте! У насъ покутали! Ленты шильки, галстуки!» раздавалось, со всехъ сторонъ. Едва я ушелъ отъ этой дикой толпы и вышедши на красную площадь, прежде всего осмотрѣлъ свой костюмъ: не разорванъ-ли

гдѣ? потому, что меня кто-то сильно тянулъ за фалды. Но благодаря Бога, все оказалось цѣло.

Когда-же наши коммерсанты, бросагъ эту площадную привычку — звать? Неужели они не понимаютъ, что это и невѣжливо, и глупо: вѣдь не пойдетъ-же никто въ сапожную лавку спрашивать перчатки или галстукъ. Давно слѣдуетъ уничтожить эти—такъ сказать, *живыя вытѣски*. Не знаю правда ли, а говорятъ, купцы своихъ мальчиковъ черными тараканами кормятъ для голоса!....

Покупатель.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

Милостивый Госуд арь!

Не можете ли дать мѣсто этимъ строкамъ въ Вашемъ журналѣ, допускающемъ заявленія тѣхъ, кои не имѣютъ возможности сдѣлать оныя гдѣ бы слѣдовало.

Въ настоящее время производится возобновленіе членскихъ билетовъ Артистическаго кружка. По уставу оного члены любители не пользуются правомъ голоса ни въ чемъ совершенно, касающемся порядковъ кружка, говорятъ потому, что въ противномъ случаѣ, это былъ бы не Артистическій кружокъ, а просто клубъ. Справедливо. — Между тѣмъ въ 63 параграфѣ сказано: Домъ для собранія старшины занимаютъ въ сословіи *членовъ* по балотированію, а контрактъ заключаютъ отъ лица *всѣхъ членовъ, принимающихъ на себя наемъ съ его условіями и очисткою платежа*. Это несправедливо. — Можетъ ли членъ любитель, никогѣ не избирающій, ни во что не мѣшающійся и ничего не знающій, что дѣлается въ хозяйствѣ кружка, быть отвѣтчикомъ за неисполненіе контракта? — Это немного смахиваетъ на прежнюю Австрію: действительныхъ членовъ можно уподобить нѣмцамъ, почетныхъ членовъ венгерскимъ магнатамъ, какъ пользующихся правомъ во всѣхъ распорядкахъ страны, а членовъ любителей—славянскимъ народамъ, платившимъ только подати и призывавшимся къ пожертвованіямъ съ злучаѣ несостоятельности финансовъ.—

— Многіе изъ членовъ любителей искренно желаютъ продолженія существованія кружка на будущее время; не интересуясь никакимъ правомъ въ ономъ, но желаютъ только, чтобы ихъ устранили по справедливости и отъ всякой отвѣтственности, (подобно тому, какъ ни за что не отвѣчаютъ лица, абонирующие въ театрахъ ложу или кресло), но впрочемъ подвергаясь всѣмъ правиламъ по уставу кружка. — Если это будетъ допущено членамъ, имѣющимъ право дѣлать реформы, то число членовъ любителей, или какъ тогда угодно будетъ ихъ называть, несомнѣнно увеличится противу прежняго.

Членъ-Любитель Артистическаго кружка.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Умирающее дитя. Стих. Н. Сурикова.—Боченокъ золота. А. П. Голыцинскаго.—Самодурство табаконцевъ. Вечамлота.—Прогрессъ и прагредъ. Любовитнаго.—Пророчество бабушки. Стих. Мальшева.—Московскій наблюдатель П. Ф.—ва.—Къ Стих. Владимира Стародубскаго.—Наши рядскіе безобразники. Покупателя.—Письмо къ редактору.—Рисунки.

Редакторъ-Издатель О. МИЛЛЕРЪ